

Евгений Тарланов

г. Петрозаводск

ВРЕМЯ НЕУТОЛЕННОЙ БОЛИ

*(Несколько слов о литературной ситуации
современного Дагестана)*

Не откроем Америку, если скажем, что общественная и культурная жизнь современной России последних десятилетий предстает вниманию раздробленной едва ли не на мельчайшие фрагменты и в географическом смысле слова. Что и говорить, фрагментация сегодня – основной атрибут постмодернистского сознания, а характеристика XXI столетия как эпохи постмодерна и постправды даже в политической сфере давно стала общим местом и печати, и Интернета.

Любая фрагментация культурной жизни, однако, – результат исторически конкретных обстоятельств вполне определенного рода, и на территории современной Российской Федерации обстоятельства же создают теперь значительные культурные лакуны. Именно такой лакунной на литературной карте Федерации является сейчас Северный Кавказ, – и, особенно, Дагестан. Не секрет и то, что тема Кавказа в целом и Северного Кавказа в частности в сознании рядового читателя коренной России все более теряет культурное содержание, связываясь в его восприятии лишь с телесюжетами военно-криминальной хроники. Стереотипы постсоветской эпохи и видят в современном же Дагестане некую terra incognita, – как бы непонятный исламский регион, странную и чуждую внутреннюю границу, внушающую обывателю иногда и недоброжелательный интерес.

Эпоха Расула Гамзатова, Ираклия Андроникова, Нодара Думбадзе и Муслима Магомаева безвозвратно ушла в прошлое. Сегодня Кавказ в целом концентрирует в себе боль России, отбрасывая отсветы ближневосточных конфликтов. И после Расула Гамзатова бремя этой боли несут на себе его ученики и преемники – поэты современного Дагестана.

Яркой индивидуальностью этого нового поколения давно зарекомендовала себя Сабигат Магомедова, аварская поэтесса, автор 13 книг стихов, начавшая свой путь в 1979 году еще школьницей на страницах районной газеты. Первая из ее книг полу-

чила благосклонный отзыв Расула Гамзатова. В самое последнее время представительный сборник ее стихов вышел в Москве – в рамках проекта «Белые журавли России». Читателям других регионов страны, как и Севера России, стихи С. Магомедовой могут быть известны более по публикациям на авторитетных интернет-порталах, чем в ежемесячных печатных изданиях, а дагестанский зритель знает ее и в качестве автора слов многих популярных песен аварской эстрады. Сейчас Сабигат Магомедова работает заведующей отделом краеведческой литературы Республиканской юношеской библиотеки Дагестана. Ей, к слову, присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры республики».

Имя крупнейшего поэта Дагестана второй половины двадцатого столетия, тепло благословившего первые опыты школьницы, должно быть упомянуто здесь еще раз. Оно присутствует в строчках Сабигат и в пределах человечески-биографической досягаемости, и косвенно – в жанровых ориентациях. Большинство включенных в московский сборник стихов – это также продолжение традиции, в том числе и фольклорной, вызывающее в памяти философские циклы его малых форм. И все-таки любой пристальный и заинтересованный взгляд отнесет творчество Сабигат Магомедовой к другой генерации, нежели поэзия советской поры.

Что же в художественном плане значительно отличает Сабигат Магомедову от поколения ее предшественников и учителей, – и отличает не только в чисто хронологическом аспекте?

Зерно ответа на подобный вопрос лежит в различии интеллектуально-литературного фона и обстоятельств, в которых развивалось творчество представителей разных поколений литературы.

Четкие нравственные принципы лирического мира Расула Гамзатова воспринимались в русле национальной специфики именно потому, что были в согласии с заветами русского реализма. Его раз-

новидностью, по сути, и явилась эстетика советской литературы, закономерно выводившая написанное Гамзатовым – в переводах Якова Козловского и Наума Гребнева – за пределы Дагестана. Естественные особенности исламской культуры в творческой практике Гамзатова присутствовали в размытом виде. В условиях советской эпохи все это было совершенно органичным.

Лирика же Сабигат Магомедовой уже пребывает в принципиально ином литературном контексте. Более привычная для 90-х и 2000-х стилистика с их новыми и страшными диссонансами и реальностями органично вбирает в себя и некоторые религиозные мотивы, в том числе в значительно более открытом виде, чем прежде. Обращаясь к религиозным образам, она не отделяется от жесткого нравственного ригоризма. Сегодня в этом есть собственная логика и, добавим, печальная истина: мир начала XXI века, в отличие от столетия XX, отвергает все и всяческие ограничения настолько намеренно и демонстративно, что наш мыслящий современник, напротив, тоскует по ним. Женский взгляд на жизненные коллизии, высказанный Сабигат, по сути дела, и определяется абсолютным критерием, основанным на том солнечном свете нравственного чувства, который русский читатель ощущает со времен «Евгения Онегина». Для того чтобы его отстаивать сегодня, литератору требуется духовная зрелость, умение противостоять телевизионной картинке или бульварному роману.

Лирическая героиня аварской поэтессы, нашей современницы, – человек с большим чувством собственного достоинства и чести, не гнувшийся под любыми ударами частных и общественных потрясений:

Кому нужна в любви победа,

Пускай ее себе берет.

А я могу отдать полсвета

За гордость, что в душе живет.

(пер. Фазира Джаферова)

Противоборство чести и бесчестия, благородства и корыстолюбия, верности и низости в емких философских стихах Сабигат Магомедовой – не умозрительная дидактика, а неременное условие взаимопроникновения микро- и макрокосма, семьи и мира:

Если утреним солнцем согреться не смог,

То уже не согреешься в полдень.

Если ты в семье у себя одинок,

Вне семьи – и подавно, запомни.

(пер. Фазира Джаферова)

Эта необычайная острота нравственного ощущения вполне закономерно отзывается и надрывной гражданской болью. Вошедшая в сборник «Молитва», по справедливости, может быть названа воплем ужаса, отчаяния и скорби целого поколения дагестанской (а быть может, и всей кавказской!) молодежи, блуждающего не по своей воле по лабиринтам и тупикам национально-конфессионального недоверия и ненависти:

Льется кровь который год подряд

В городах и селах Дагестана.

Злобно убивает брата брат,

Прикрываясь святостью Корана.

(...)

Совершивший утренний намаз,

Отчего ты тоже под прицелом?

Снова содрогается Кавказ

От творящегося беспредела.

(пер. Марины Ахмедовой-Колубакиной)

В горькой жесткости этих строк, как и в «Зове брошенных детей», Сабигат, – и это совершенно естественно! – осознанно пытается выйти за рамки лишь дагестанской читательской аудитории. От лица людей, даже бытовыми особенностями своей жизни поставленных перед ощущением нелепости конфликта на религиозной основе на личном уровне, она обращается ко всей России. Однако судьбами поэтических тем иногда управляют совсем не поэтические соображения...

Лейтмотивом поэтической книги Сабигат Магомедовой выступает, если угодно, экзистенциальное одиночество личности в мире корыстолюбия и лжи: «Сохнет душа, когда в мире я вижу / Души свои распродавших людей», – так звучит одно из самых откровенных признаний ее героини. На рубеже XX–XXI веков такие настроения, овладевая воображением русских поэтов, в творчестве их дагестанской современницы развиваются, заметим, в русле очень давней культурной традиции.

Пессимистическая трактовка мира людских отношений как юдоли печалей, обмана, миражей восходит, если иметь в виду Дагестан и Кавказ, еще к философии средневекового Ирана. В художественной практике нашей современницы такие мотивы отнюдь не случайны. Вписанные в горький трагизм последних десятилетий, они свидетельствуют об ее умении видеть связь времен и попытках мыслить в конечном счете огромными зональными культурными пластами:

*В этом мире бесцельном мы – словно бы гости:
Ненадолго пришли, и не требуем – просим.
Мы у моря сидим, забыв давню
И зачем, и к чему, и глубоко ли дно.*
(пер. Фазира Джаферова)

На образе рода людского – толпы незваных гостей, волей непознаваемой судьбы созерцающих бесцельный круговорот бытия, строится и одно четверостишие Омара Хайяма (пер. В.Державина):

*Этот свод голубой и таз на нем золотой
Долго будет кружиться еще над земной суетой.
Мы – незваные гости, –
пришли мы на краткое время,
Вслед кому-то – пришли мы,
пред кем-то – уйдем чередой.*

Сопоставив эти два примера, разделенных между собой едва ли не десятком веков, мы можем прийти к выводу о глубинной укорененности в исламской культуре гордого и мужественного начала борьбы с житейской грязью – архетипа именно женского поведения. Черты людских характеров изображаются в поэзии С. Магомедовой, как и в поэзии современного Дагестана, в первозданной свежести красок и броскости контрастов противоположных тонов. От такой яркости, графичности и броскости неотделима и сама художественная культура ислама, и ближневосточная литературная традиция в целом, – вплоть до Индии середины XX века.

По этим качествам поэзии и ностальгирует современная российская публика после туманных фиоритур постмодерна Пелевина и Мамлеева, Улицкой и

Петрушевской. Героиню же Магомедовой, как и многих других поэтов Северного Кавказа наших дней, невозможно представить вне активной борьбы со злом и подлостью, – и личность такой чистоты и бесстрашия становится в начале двадцать первого столетия особенно необходимой.

Народная, традиционная в лучшем смысле слова по своим средствам поэзия Сабигат Магомедовой – явление, достаточно типичное в литературе Дагестана последней четверти века. Так что же в нашем времени, зададим себе еще раз этот вопрос, сформировало морально-философскую доминанту всего ее поколения?

При разломе русского исторического сознания эту доминанту сформировал трагический межкультурный диссонанс, разрешающийся, по иронии судеб, религиозным фанатизмом.

В 2010 году в Сорбонне вышел в свет сборник работ современных французских социологов и культурологов под названием «L'URSS, un paradis perdu?». Его можно перевести как «СССР – потерянный рай?». Кризис, который совпал с окончанием необычайно длительного периода государственного значения коммунистической системы в Европе, имел и последствия для России. Их можно признавать двусмысленными, печальными и, в первую очередь, трагическими. Истинная трагедия России состоит в том, что в многонациональном государстве конец советской эпохи по страшной прихоти истории совпал с концом светского регулирования отношений между религиями, но под гипнозом откровений Солженицына 90-х общество не пожелало этого замечать...

Евгений Замирович ТАРЛАНОВ

родился в 1964 году в Москве.

Окончил с отличием историко-филологический факультет

Петрозаводского университета

и аспирантуру при кафедре русской литературы

Ленинградского университета.

Доктор филологических наук, профессор.

Специалист по поэзии русского и европейского модернизма.

Автор 8 монографий и учебников,

а также рецензий на книги многих

прозаиков и поэтов позднего СССР и России.

В «Севере» печатается с 1986 года.

**Сабигат
МАГОМЕДОВА**

Дагестан

* * *

Признанья,
Словно слитка золотого,
Дождёшься редко –
из глубин души.
А ты чего молчишь, скажи хоть слово,
Тоскою переполненный кувшин.

(Пер. Сергея Соколкина)

* * *

Не пойму я,
Зачем этот мир нужен нам,
Если страждущим руку свою не подам?
Жизнь зачем,
Если к людям, всему вопреки,
Доброта не протягивает руки.

(Пер. Сергея Соколкина)

* * *

Люблю, люблю. Лгать не умею,
Хотя руки подать не смею.
Люблю, ни разу не обняв
И губ твоих не целовав.

Как солнцу трудно и луне
Сомкнуться в горней вышине,
Не суждено обняться нам –
Реки неровным берегам.

Люблю, люблю. Лгать не умею,
Хотя руки подать не смею.

(Пер. Александра Ананичева)

АУЛ ИНХОКВАРИ

В горах моё сердце, в ауле родном,
У синего моря скачаю о нем.
Священный родник чудотворной воды,
Где прямо на скалах алеют цветы.

Я горы мечтаю погладить рукой,
Губами к земле прикоснуться сухой.
К Отчизне душа, словно к матери, льнёт,
Отсюда всегда моё солнце встает.

Непросто осилить отмеренный путь,
Так часто тревожно сжимается грудь,
Но в доме отцовском светлеют глаза,
Здесь многих ушедших слышны голоса.

Простора земного совсем не хочу,
Тропинку к родимому дому ищу,
Где малые птицы с утра невпопад
Щебечут вокруг: «Сабигат, Сабигат...»

(Пер. Александра Ананичева)

* * *

Море моё,
Бирюзовое море,
Голубоглазого неба разлёт,
Тело моё на бескрайнем просторе
Птицей летает и рыбой плывёт.

Мир этот мне не поддался ни разу,
и ни за совесть мою,

Ни за страх
Здесь на колени не встанет мой разум –
Если
сама
я стою на ногах.

(Пер. Сергея Соколкина)